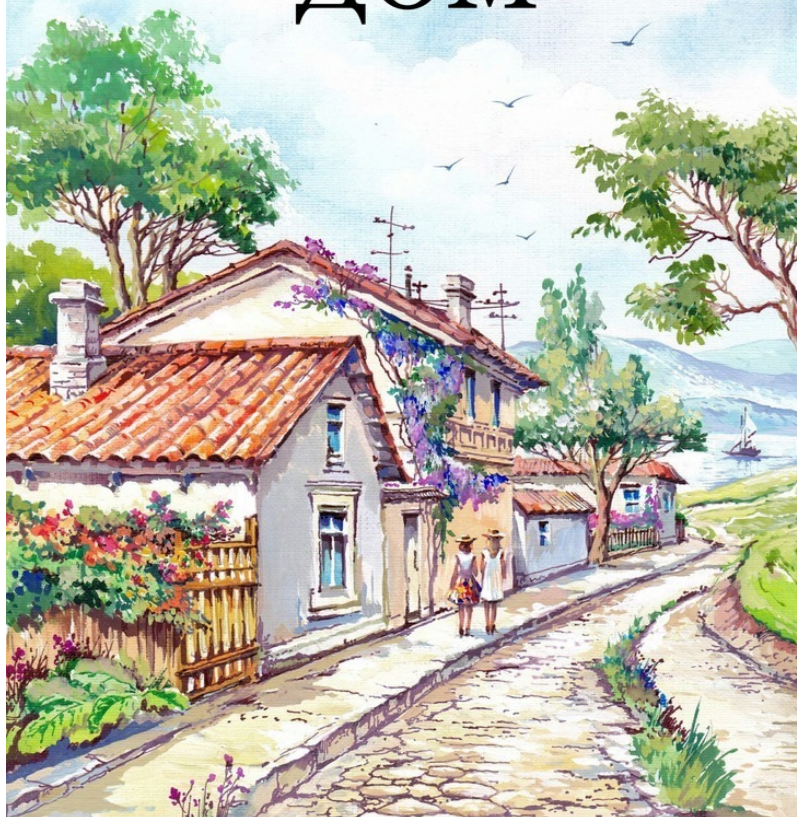

Елена Скрябина

ДОМ

Елена Скрябина Дом. Рассказы, очерки, эссе, поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899730

ISBN 9785447442675

Аннотация

Автор много лет исследовала судьбы и творчество крымских поэтов первой половины XX века. Отдельный пласт – это очерки о крымском периоде жизни Марины Цветаевой. Рассказы Е. Скрябиной во многом биографичны, посвящены крымским путешествиям и встречам. Первая книга автора «Дорогами Киммерии» вышла в 2001 году в Феодосии (Издательский дом «Коктебель») и включала в себя ранние рассказы, очерки о крымских писателях и ученых. Иллюстрировали сборник петербургские художники Оксана Хейлик и Сергей Ломако.

Содержание

Об авторе	5
Рассказы	7
Осень	9
Подарок	11
Дом	16
Ночь, цикады и вино	22
История одной прищепки	26
Крымская зима	32
Старыми дорогами	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дом
Рассказы, очерки,
эссе, поэзия
Елена Скрябина

© Елена Скрябина, 2015

© Оксана Хейлик, дизайн обложки, 2015

© Оксана Хейлик, иллюстрации, 2015

© Владимир Киркевич, иллюстрации, 2015

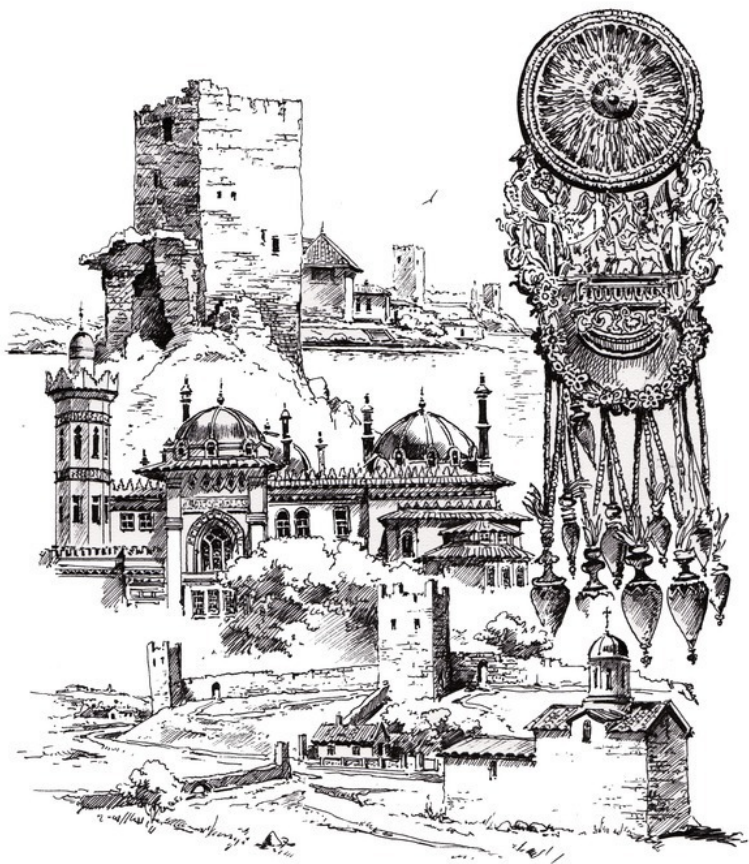
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Елена Валериевна Скрябина – филолог, литературный

краевед. Живет и работает в Феодосии.

Рассказы

Осень

Осенью природа красуется перед нами, словно женщина, которая уже твердо знает, что уходит от любовника. Надевает какие-то невиданные одежды, обвешивается рубинами и золотыми бабкиными монистами, покупает где-то сотню бабочек, прикармливает два десятка птиц, летящих из Африки. Зачем, спрашивается? Скажи честно: я ухожу. И иди себе! Нет! Надо измучить, показать все свои наряды, потанцевать, поцокать каблучками. Вытащить из упакованного чемодана какие-то невиданные духи – аромат переспевшей изабеллы, запах осыпавшейся листвы или груды черных роз.

Неужели надо срезать все хризантемы и астры, расставить их в ведрах по улицам и рынка?

Убывает своей красотой, приплясывает, раздражает зрение всеми красками и запахами. Не мучай! Иди! Забери с собой все солнце, все тепло, все свои овощи и винограды! Замети снегами и залей дождями, но только не будь такой жестокой!

Зачем это солнце, эта июльская жара? К чему нам твой мускат по две гривны? Скажи честно: «Good bye!»

Нет, теперь ровно два месяца будет эта красотка дразнить и мучить своего любовника, пока не станет на черное зеркало моря и не побежит по лунной дорожке.

И тогда уже не сможет отпустить ее измученный влюблен-

ный. Бросится по берегу за ней. Захочет вскочить на лунную дорожку черной морской воды. Но она уже далеко. А ему, мокрому, дрожащему, надо плестись домой. Забудет ее, отогреется, влюбится в еще большую красавицу – Лето, а тут снова она вернулась – Осень. И опять все с начала!

Подарок

Первые годы моей школьной жизни прошли в очень старой (сто девяносто лет!) школе, где учился еще Айвазовский. Находится школа в самом развеселом районе Феодосии – на Форштадте.

Жили на Форштадте в середине семидесятых годов портовые рабочие, набивщики папирос с табачной фабрики, кочегары, профессиональные шулеры. Их дети ходили в школу, где в одном из классов, наверно, и до сегодняшнего дня

сохранили высокую деревянную парту с углублениями для перьевой ручки и чернильницы.

За этой партой до войны сидел мальчик, застреленный немцами во время трех лет оккупации Феодосии. После войны мальчику поставили памятник в ближайшем сквере, а за легендарную парту сажали девочек-отличниц. Сидеть за этой партой мне не довелось, да и речь не о ней.

Настоящая жизнь у нас начиналась после школы. Собираясь на круглой крошечной площади перед магазином, мы бегали по дворам, добывая макулатуру и металлолом. Забирались на угольные кучи у ворот домов и огромные старые деревья шелковицы-американки, закапывали «клады», отправляли письма в бутылках в море.

На дни рождения родители моих одноклассников накрывали стол с обязательным наполеоном, лимонадом, вазочками конфет. Обычно это были самые скучные часы нашей детской жизни. Родители именинника приторно расспрашивали, у кого сколько «пятерок» и «четверок», пичкали нас пирожными. А на улице уже ждала новая угольная куча или поспевшая за высоким забором черешня, закрытые и таинственные дворики каких-то старушек, куда надо было проникать с огромным риском.

Но один день рождения запомнился мне на всю жизнь. Именинница жила очень высоко, где Форштадт вскарабкался на склоны горы Тепе-Оба. Собравшись на площади, мы долго поднимались среди потоков грязной воды, мусорных

куч. Чисто выбеленные, аккуратные домики остались далеко позади. Чем выше, тем беднее становились саманные дома. Деревья на щебне склона уже не росли, даже трава выгорала к концу мая.

Дом именинницы был так высоко, что, усевшись на крыльцо можно было целый день рассматривать весь город – от далекого пригорода с зелеными квадратами полей до всех портовых сооружений и крепостных стен на Карантине. Во дворе росли чахлые вишни, стоял старенький «Запорожец».

Память моя не сохранила ни имени той девочки, ни ее лица. Помню, что ее пожилые родители не приставали к нам с расспросами, а просто улыбались, глядя на наши чумазые физиономии. Была середина мая, и мы стремились на улицу – под яркое солнце, к чириканию ласточек, стрижей и крапивниц, гудкам буксиров в порту.

«А теперь наш подарок, – старики загадочно переглянулись, – все в машину!»

Мы вышли за калитку. Внизу огромной рыбиной сверкало праздничное майское море. Не понятно как, толкаясь и пытаясь, мы все поместились в машину, уверенные, что нас отвезут вниз, к центру Форштадта. Но машина, как упрямый навозный жук, развернулась и стала взбираться еще выше. Поднявшись на вершину холма, «запорожец» не остановился. Медленно, с тарахтением двигателя, он вез нас уже по тем склонам Тепе-Оба, где мы никогда не бывали.

Между двух верблюжьих горбов машина остановилась. Все, наконец, выбрались из тесного салона. Где-то далеко, на горизонте, виднелись море, Двужорная бухта, Кара-Даг, малознакомые берега.

«А вот и наш подарок вам всем», – мама именинницы показала рукой на склон, где в высокой изумрудной траве то клонились под ветром, то выпрямлялись тысячи маков. В угольно-черных сердцевинах жужжали шмели. В безоблачном майском небе стрижи со свистом разрезали горячий воздух.

Застыв от первого в жизни потрясения красотой, мы не решались насобирать букет и стояли с открытыми ртами. «Подарок нам все!.. Значит, они ездили сюда заранее, и вот теперь решили нас одарить! А что, если у меня в жизни это будет самый щедрый подарок? Надо запомнить на всю жизнь эти маки». Примерно так я думала тогда.

И вот прошло больше двадцати лет, и все подарки уже можно сравнить с тем склоном под синим майским небом. Огромные букеты роз и тюльпанов завяли, конфеты съедены, книги прочитаны и раздарены, платья стали немодными. Десяток колец упал в море. Так что, дорогие мои, не меняйте доллары в праздничное утро, чтобы купить любимому человеку утюг или кофеварку. Подарите ему Труханов остров или весь Днепр, цветущее миндальное дерево в Коктебеле со всеми пчелами на нем в придачу, майский куст сирени или небольшой залив под Орджоникидзе. Подарите Мирго-

род и левый берег Диканьки.

Если подарок придется по сердцу имениннику, то он запомнит его навсегда. И тогда время и все законы физики будут не властны над подарком.

2002 год

Дом

Город менялся. Старые двухэтажки с длинными мансардами, увитыми виноградом и дикими розами, исчезали. На их месте вырастали пятиэтажные близнецы. Не сказать, что уродливые, а просто – никакие.

Но эту улицу около самого моря еще не разрушили. Дом, о котором я хочу вам рассказать, был самым обычным: невысокий, без мансард и балконов, пройдешь мимо и не заме-

тишь. Крашенный зеленый забор с маленькой калиткой, побеленные стены, черепичная крыша. На улице, сбегавшей с горы к морю, дом не выделялся ничем.

На улицу выходило только одно окно, а вот во двор – сразу пять окон. Солнце, встающее из-за мыса, проникало сквозь плотные занавески ровно в минуту восхода.

Если мой читатель не великий ханжа и заглянет в одно из окон, он увидит полированный стол с большой фаянсовой вазой посередине. В вазе – букет сухих цветов. На стуле стопки журналов и непонятные маленькие коробочки до потолка. Если приглядеться еще лучше, приплюснув нос к стеклу, то на стене вы увидите хорошую копию Айвазовского и большую фотографию начала века. На ней бравый офицер с саблей на боку прячет добродушную улыбку в густых подкрученных усах, рядом на стуле сидит сестра милосердия. Кем эта пара приходится хозяевам дома и что скрывается за остальными окнами, я не буду рассказывать

Зимними ночами штормящее море с грохотом и ревом накатывалось почти на сам дом. Но дым из печной трубы так мирно струился в небо, а молодой месяц с такой нежной усмешкой заглядывал в окна дома, что море скоро успокаивалось.

Весною же сад, в котором вы едва насчитаете две-три дюжины деревьев, утопал в кипенно-белом цветении вишни, лимонно-желтом – кизила, розовом – персика. С февраля по май цвели здесь кусты смородины, сакура, яблони, абри-

кос.

А каких только цветов не видывала я в этом саду! В февралю, когда весь город пронизывал ледяной норд-ост, в саду уже качались длинные жемчужины подснежников. Чуть позже фиалки, тюльпаны и нарциссы всех сортов и оттенков, гиацинты и ландыши сменяли друг друга, как часовые.

В мае двор заполняла сирень – белая, махровая, персидская и самая обычная. Осенью ее вырубали, прореживали и выкапывали, но каждую весну сирень опять пускала десятки крепких побегов.

В июне двор алел сперва маками, которые в два-три дня осыпались, и тревожно болело сердце от этих огромных кроваво-красных лепестков, усыпавших все дорожки в саду. Затем распускались пионы. Решив однажды принести их домой, я всю ночь не могла заснуть: тяжелые лепестки громко ударялись о стол и к утру огромный букет полностью осыпался. Даже цветы не любили покидать тот дом.

К середине июня розовый куст в самом центре сада, около колодца, в одно утро оказывался уже не голым, ядовито-зеленым, а со стрелами тонких бутонов нежно-розового цвета. Розы не осыпались, но занозы от шипов оставались в пальцах надолго. Наверно, десяток букетов этих роз, укутанных в веточки ромашки, каждый год я уносила из сада. Необычный букет – благородные длинные стебли роз и простенькая ромашка заставляли оборачиваться прохожих. Цветы без жалости срезали для гостей, но от этого их ничуть не станови-

лось меньше.

В августе, когда город плавился от тропической жары, во дворе дома было прохладно: виноград струился крепкой лозой высоко над головами по невидимым прутьям беседки.

В конце октября старый орех усыпал двор дома таким густым слоем листьев, что их приходилось собирать каждый день во множество ведер и корзин. А если хозяйка не успевала это сделать, то утром ноги утопали в шуршащих сугробах цвета старого золота.

Семь лет я не была в родном городе и не видела этот дом. Но все семь лет я жила мыслью, что где-то там, на краю земли, есть дом, в котором сердце мое успокоится и забудет все унижения, обиды, всю грязь чужих городов, все одиночество суетной жизни среди чужих людей.

Приехав в город под вечер, я спокойно рассматривала город с холма, как хозяин осматривает свое огромное владение, в котором ничего не может измениться. И действительно, дуга залива ни на метр не расширилась и не сузилась в мое отсутствие. Вечернее море с оранжевыми дорожками от заходящего за Лысой горой солнца несколько не поблекло без меня. Генуэзские стены и тысячи домов были те же.

В тот дом я могла пойти только утром.

Перед рассветом мне показалось, что началась гроза, тяжелые капли дождя стучат по подоконнику. Но был июнь, всходило солнце, дождя не было ив помине.

До обеда я разбирала сумки и чемоданы, отвечала на те-

лефонные звонки, вскрывала конверты с письмами, посланными мне много лет назад. Когда все было перечитано, перестирано, переглажено, оказалось, что надо бежать по магазинам и в часовую мастерскую, кого-то поздравить, с кем-то договориться.

Но что бы я ни делала, как бы беззаботно не болтала, сердце мое ныло все больше. Жив ли дом? А может, его купили богатые соседи и разобрали, построив на этом месте гараж? Кусты роз, конечно, выкорчевали и увезли на дачу, где они и засохли. Орех срублен и сгорел лет пять назад в мангале, отдавая свой жар шашлыкам из свинины. Или во время недавнего урагана, когда ветер вырывал с корнем старые деревья и ставил ребром плиты на набережной, сметен и тот дом? Хозяйственные соседи растащили по домам выкорчеванные ураганным ветром вишни и персики, вытоптали на чисто луковицы всех цветов и даже не поленились перекидать поленицу дров к себе, через забор. Хозяева же уехали, погрузив в грузовик оставшееся добро. Куда? Конечно, никто не знает.

Прошел еще день, и опять я не смогла освободиться от мелких дел. Или я просто боялась, что мои предчувствия оправдаются?

В этот раз я шла к дому невероятно долго. Остановливалась около каждой витрины, бродила по рядам шумного воскресного рынка, разглядывала знакомые с детства улицы, которые то забираются высоко на гору, то уходят в буковый

лес, то сбегают к морю.

Но вот уже виден деревянный забор, белая стена дома. И вот уже рука привычно проскальзывает в крошечное окошечко калитки и сбрасывает крючок. И старая собака узнает меня. И орех не спилен. И все так же цветет розовый куст у колодца. И дверь дома распахнута настежь.

1993 год

Ночь, цикады и вино

Я сижу за своим письменным столом. За окном шумит и воем старый сосновый лес. Метель. Надо сказать, что лес окружает дом с трех сторон. Когда-то это и решило наш вопрос: покупать ли дом в Финляндии.

Первые годы моей жизни в этой суровой стране меня радовали неизвестные птицы, тяжело вспархивающие с веток, нравился скрипучий звук снега под ботинками. Я любил долгие январские метели, рубку дров, жар камина, бег на лыжах, какие-то совершенно неизвестные мне ягоды.

Свою жизнь в южной стране, на берегу моря, где я родился и прожил двадцать восемь лет, теперь вспоминаю все реже. Другие люди, другие заботы и новый тяжелый быт отодвинули все, закрыли собой. Постепенно я стал забывать тех, кто так много значил для меня – родителей, друзей, любимых. Забыл белые стены глиняных домов на террасах горы, черепичные красные крыши, старые церкви с колокольнями, фонтаны и античные статуи в закрытых дворах. Стал забывать невыносимую жару лета и бесконечные дожди зимой.

С южной стороны мой городок окружают отвесные скалы. Полоска каменистого пляжа тянется под скалами минного километра и приводит в соседний поселок.

Я любил приходить на берег, который кроме меня, наверное, и не любил никто в городе. Огромные плоские камни когда-то упали в море, и я привычно забирался на раскаленную поверхность, оставляя одежду и нырял в прохладную воду. Уплывал далеко в открытое море, иногда нырял с сеткой и доставал со дна огромных медлительных рапанов.

Обратно плыл уже медленнее, рассчитывая силы. В прозрачной, словно жидкий изумруд воде, был виден каждый камень, плантации бурых водорослей, стайки рыб.

Иногда засыпал на берегу, закутав голову рубашкой. Если начинался шторм, уходил по берегу в поселок.

В тени старой маслины располагалось небольшое кафе. Хозяин наливал мне молодое холодное вино. Он сам подбрасывал кривые виноградные корни в огонь. На раскаленном

противне мидии шипели, исходя, словно соком, морской водой. Раскрывались створки, в перламутровых сердцевинах показывалось мясо моллюсков, пахнущее йодом и дымом.

В огромном казане хозяин варил рис, бросив туда десяток самых больших мидий. На глиняном блюде мне приносили плов, густо посоленный морской водой из мидий. Зачерпнув рис створкой моллюска, я ел плов и запивал его холодным вином.

Тонкие черные сигары в моей стране курили обычно на закате, после сиесты, когда человек пробуждается от тяжелого сна, пьет вечернюю чашку кофе. Я доставал железную коробочку с сигарами, угощал хозяина. Мы долго сидели молча, глядя на огни яхт в открытом море.

Темнели горы, кричали цикады и ночные птицы, огонь под казаном освещал кафе и черный перекрученный ствол маслины.

Я возвращался в город. Ноги с детства хорошо знали пыльную, едва видную тропинку, петляющую под скалами. Где-то совсем рядом, у ног, шумело ночное море.

Уезжая навсегда из своего города, я думал, что люди, которых я искренне и сильно любил, все улицы моего средневекового города не дадут мне покоя, потянут к себе, будут перед глазами и днем, и ночью. Но прошло десять лет, и я хочу только одного: идти ночью, в свете августовских звезд, по тропе в горах. Слушать цикад и грохот моря внизу, под скалами. Оглядываться изредка на костер, освещающий мас-

лину и крошечное кафе на берегу.

История одной прищепки

Ярко-голубая прищепка была куплена в Москве. Конечно, не одна, а с несколькими десятками таких же, как она, укрепленных на картоне прищепок. Девушка упаковала в дорожные сумки не только прищепки, но и всю свою одежду, книги, постельное белье, тетради, фотоальбомы.

Ровно тридцать часов прищепки ехали в Крым. Хозяйка – Ольга Вадимовна – решила поселиться в Старом Крыму. Прищепкам предстояла интересная жизнь: держать мокрое белье во время весенних крымских бурь, ледяных январских норд-остов, июльских сухих ветров.

Прищепки поселились в большом целлофановом пакете на веранде. Зимой им было холодно и неуютно, но зато летом окна на веранде не закрывались. Можно было услышать все звуки улицы: крик петуха в соседнем доме, колокольчики коров, рев самосвал и мотороллера. На веранде у хозяйки собирались ученые и художники, бродячие монахи и путешественники. Какие споры подслушивали прищепки!

В июле двухтысячного года в доме несколько дней прожил Владимир Петрович. Ранней весной он уехал из Омска, решив обойти все монастыри и выбрать для жизни один. Но в каждом монастыре была такая сложная иерархия и почти беспредельная власть игумена, что от мысли поселиться в монастыре Владимир Петрович отказался. Из Старого

Крыма ему предстоял недалекий путь – в армянский монастырь Сурб-Хач, в четырех километрах от города.

Хозяйка собрала ему в дорогу корзину с поздней июльской черешней, круглым хлебом собственной выпечки, овощами. Несколько прищепок из большого пакета тоже оказались в корзине среди разных мелочей, необходимых человеку в одиноком быте.

Когда в последние дни августа двухтысячного года мы шли из Старого Крыма в Щебетовку через монастырь Сурб-Хач, нам пришлось на сутки остановиться в монастырской гостинице. Мы – это ленинградские художники Оксана Хейлик и Сергей Ломако и я.

Владимир Петрович жил в каменной сторожке. Рядом, в бывшей дизельной, на охапках свежей травы жили козы. За сторожкой был устроен очаг, вокруг лежали бревна – вместо скамеек. Разноцветные московские прищепки оглядывали свое новое место службы: глубокую монастырскую балку, буковый лес и дорогу вверх, к монастырю.

Под бельем бродили козы и несколько новорожденных козлят, собаки и множество кошек. Владимир Петрович варил кофе в высоком кофейнике, поставив его прямо в очаг.

Время от времени он отгонял всю живность, норотившую прыгнуть к нему на колени, сбить кофейник прямо в огонь, пожевать рукав рубашки. Кстати, козы съели два килограмма замечательного винограда, оставленного нами на столе.

Владимир Петрович – бородатый, с сединой в каштановых кудрях, очень мудрый и добрый, был похож на Ноя, поселившегося в старокрымском лесу со всеми своими животными. И вот к Ною пришли гости, принесли в дар виноград, бородинский хлеб и колумбийский кофе.

Следующим утром мы ушли. Лес был сухой, старую дорогу в Щебетовку то и дело преграждала баррикада из по-

валенных старых деревьев. Было очень жарко – буковые деревья открывали нас августовскому солнцу. Хотелось поскорее дойти до биостанции, сбросит рюкзаки и уплыть далеко в море.

Где-то мы свернули неправильно и оказались в густых зарослях крапивы и ежевики. Под ногами не было не только дороги. Но даже и тропинки. По сухому руслу реки мы вышли к щебетовскому озеру. Белая пыльная дорога шла мимо виноградников. Уже виднелись карадагские хребты вдоль Судакского шоссе.

На первой же улице Щебетовки мы сняли рюкзаки и долго пили, подставив ладони под струю холодной воды из уличной колонки. Решили вернуться в Феодосию и через час шли по вечернему городу.

Разбирая дома рюкзак, я увидела ярко-голубую прищепку: она крепко держалась за уголок пакета с молотым кофе. Судьба нескольких десятков ее разноцветных сестриц мне не известна. Но эта путешественница, вцепившаяся в пакет, словно лягушка в прутик, заслужила свою биографию.

В Старый Крым, к Ольге Вадимовне, и в каменную сторожку у монастыря я смогла вернуться только через два года. А прищепка поселилась в библиотеке.

За окном библиотеки, распахнутом сейчас прямо во двор нашего ближайшего соседа – Казанского собора Феодосии, я натянула изолированный провод. На нем сушится бейсболка Остапа Ломако (сына Оксаны и Сергея) или мой купальник

на ярко-голубой прищепке.

Когда окно заклеено намертво, когда вся Феодосия утонула в сугробах и ежится от ледяного морского ветра, прищепка, забытая мною, покрывается изморозью. На ветки старой акации и на провод за окном садятся птицы, скандалят, о чем-то щебечут. Прищепка плохо видит их в своем панцире, но уже мечтает о бурной летней жизни.

2003 год

Крымская зима

Нет в мире ничего более грустного, чем крымская зима. Каждый день готовит сюрприз. Это может быть ливень с потоками воды по тротуарам, снег при плюсовой температуре. Мокрые меха крымских модниц вызывают только жалость.

В декабре порой бывает так тепло, что хозяева кафе выносят столики и кресла на улицу. Можно сидеть в кафе и любоваться спящими по бухте буксирами, сторожевыми кораб-

лями, гигантской буровой установкой, которую притащили с Азовского моря и поставили ровно в центре бухты. Порой зацветет в декабре миндаль и желтенькая форзиция на Бульварной горке. Новогодняя ночь проглотит тогда туманом все огни сигнальных ракет и фейерверки.

Если в феврале выпадет снег и начнется метель, а мороз (о, ужас!) ударит до минус десяти градусов, это событие срочно заносят в учебники истории Крыма. До мая все газеты будут писать только об этом. Несколько человек обязательно замерзнут прямо на центральных улицах, еще десятки отморозят ноги и руки, заводы и фабрики останавливаются, школы закрывают.

Электричество во всех домах на горе Тепе-Оба отключают заранее, не дожидаясь обрыва проводов. Хлеб не пекут – завод остановлен. На работу можно не ходить смело (проверяла). Новости по НТВ каждые два часа расскажут всему миру о «чрезвычайной обстановке в Крыму».

Лопат для снега нет ни у кого. Все начинают вспоминать 1985-й год, когда у картинной галереи Айвазовского замерзли все пальмы, а горком партии приказал грузить снег в самосвалы и вывозить в поселок Приморский – сбрасывать в море.

Но сейчас, когда я пишу эти строки, зима самая обычная. Светит солнце. За окном библиотеки, во дворе Казанского собора, качаются два кипариса и дрожит золотыми листьями-сердечками береза.

В сумерках я спускаюсь по Революционной улице к морю. Как всегда, останавливаюсь у выкрашенной белой масляной краской статуи Венеры в беседке. Можно сверять часы: в одно и то же время из порта выходит буксир. Куда он идет в густых сумерках по зеркалу бухты. Зачем?

Каждое утро, проснувшись, я бегу посмотреть в окно – а вдруг случилось чудо, и все дорожки в саду покрыты нетронутым снегом? В окно я вижу солнце, всходящее зимой где-то за мысом Ильи. Вижу синиц и сорок на голых ветках деревьев, одинокий лист винограда на беседке. Снег и мороз – редкие и долгожданные гости – забыли о Крыме. Может быть, дать объявление: «Меняю два теплых и грязных дня на один морозный. Ветер и метель не предлагать».

2004 год

Старыми дорогами

Было это лет двадцать пять назад. Я училась в университете и преподавала русский язык в своем городе. Была юной и романтичной. Каждую пятницу, придя с работы, собирала рюкзак, надевала короткую джинсовую юбку и французскую тельняшку, голосовала на Симферопольской трассе и уезжала на три выходных дня в археологическую экспедицию. В двадцати километрах от нашего города, высоко в горах, восстанавливали средневековый монастырь и вели раскопки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.